

БИБЛИОТЕКА
ЮНОГО ПИОНЕРА

**СЕМЬ
КУХАРКИНЫХ
ДЕТЕЙ**

Биографии
русских самоучек

920

Г.14 Е.С.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
—РУССКИЕ САМОУЧКИ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ—

ЕЛЕНА ГАЙ

Г-14

С Е М Ь
„КУХАРКИНЫХ ДЕТЕЙ“

БИОГРАФИИ РУССКИХ САМОУЧЕК

БИБЛИОТЕКА
ПРОФСОЮЗОВ
1935 ГОДА

32308

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва 1926 Ленинград

КАТАЛОГ

КОНТРОЛЬНАЯ

920.

Г14.Е.С.

Русские самоучки—больших дел мастера

ВВЕРХУ (слева направо) Воронихин А. — знаменитый архитектор, Щепкин М. — великий актер из крепостных, Волосков Т. — часовых дел мастер; **В СЕРЕДИНЕ** Серяков Л. — академик-граверщик; **ВНИЗУ ПО КРАЯМ** Зарубин П.—землемер-изобретатель, Семенов Ф. — астроном-самоучка; **ВНИЗУ ПО СЕРЕДИНЕ:**—Кулибин И. — самоучка-механик.

ВСТУПЛЕНИЕ

На что способны «кухаркины дети»?

Сейчас, когда слово «рабфак» тесно переплелось со словом «Советская власть» и когда трудящаяся молодежь плотной массой заполняет школы, университеты, академии,— трудно в нескольких словах нарисовать картину старой учебы.

Эта маленькая книжка с семью биографиями талантливых людей, вышедших из среды рабочих и крестьян и пробивших себе дорогу к знанию сквозь непроходимую чащу царских препятствий, ставит себе также целью попутно ознакомить пионера с тем, как училась, какой «рабфак» проходила в те времена рабочая и крестьянская молодежь.

Для детей дворянства, для детей богатых торговцев, для детей высшего духовенства существовали гимназии, университеты.

Там готовились люди к тому, чтобы разными путями осуществлять одну главную цель:

крепить государство насилия и несправедливости.

А дети рабочих и крестьян? Как обстояло дело с их просвещением?

Когда вопрос этот всплывал на обсуждение царских правителей, то в ответ пожимались десятки сиятельных плеч.

— Ах! что толку учить кухаркиных детей?.. Какой прок может выйти из потомка крепостных холопов?

И для очистки совести вельможные деятели «народного (оно так называлось...) просвещения» насаждали в огромной России скупую, тощую сеть сельских и начальных городских школ.

Мало чего хорошего можно было узнать в этих школах.

Заставляли учить наизусть имена и отчества всех императорских родственников, дни их рождения и дни, когда справлялись по ним поминки.

Полезные сведения, нужные для устройства лучшей жизни, давались в обрез, жалкими крупицами. По окончании же начальной школы, тем из ребят которые желали учиться большему,—давался один и тот же ответ:

— Не суйся с суконным рылом в калашный ряд...

И бесконечно много упорства, силы воли и настойчивости надо было иметь для того, чтобы вопреки всем насмешкам и издевательствам идти к намеченной цели.

И в конечном итоге случай играл решающую роль.

Русское самодержавие клещами своих законов душило все, что было талантливое в среде трудящихся.

Сколько Ломоносовых, сколько гениальных самородков погибло в тщетных усилиях пробить себе дорогу к учению!..

Царское правительство боялось, что талантливые люди—выходцы из угнетаемых масс будут верны им, этим массам, и сыграют роковую роль для тех классов общества, которые владеют всеми богатствами.

И все же, ломая рогатки, разрушая препятствия, кончая «рабфак величайшей нужды», — выходили из темных, непросвещенных низин крупные, выдающиеся талантливые люди.

Пионер ознакомится в этой книжке с семью биографиями таких людей, успевших создать очень многое, будучи самоучками.

Семь презираемых «кухаркиных детей», благодаря исключительной силе воли и счастливому случаю, приобрели извест-

ность. Число талантливых русских самоучек было на много, много больше.

Число же тех из них, кто приобрел знаменитость, можно перечислить по пальцам.

Но зато, повторяю, огромно, неисчислимо количество русских самоучек, чьи имена, дела и изобретения остались безызвестными... Тысячи и тысячи способнейших людей погибли в сугробной темноте русской деревни...

Не по силам было прорвать плотину суровых препятствий... Принадлежность к классу людей работающих, производящих, обрекала на тяжелую долю гнить свои способности, подрезать крылья своим талантам.

И перед лицом тех «простолюдинов», которые все же выбивались в большие люди, ложью и лицемерием звучали слова просвещенных болванов:

— Какой толк может выйти из потомка крепостных мужиков?!

Рабочий класс и крестьянство выделили из своей среды тысячи способнейших людей, пропуская их через рабфак неопикуемых бедствий и нужды.

Сколько же таких людей нам дадут тысячи советских рабфаков, десятки университетов, ставших достоянием кухаркиных детей?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Самоучка-механик Иван Кулибин

Во второй половине XVIII века существовал в Нижнем-Новгороде лабаз купца Калинкина. Торговал в этом лабазе, за прилавком, мальчик, сын крестьянина, Ваня Кулибин.

Но не было в сердце мальчика тяги к торговле, которая совершенно не интересовала его. Непокорный мальчуган старался воспользоваться каждой удобной минутой, чтобы, спятавшись где-нибудь за кулями, с помощью обыкновенного ножа приняться мастерить флюгерок, модельку мельницы, толчен или еще какого-нибудь другого простого механизма. Увлечшись работой, он забывал обо всем, что окружало его, и не замечал, как летели часы. И только грозный голос владельца, рассерженного отсутствием мальчика в лавке, возвращал его к печальной действительности. В порыве гнева хозяин бранил и нередко бил непокорного приказчика, а

отец ломал и бросал в огонь его «игрушки». Но все это не могло образумить Ивана.

С возрастом страсть «мастерить» в Иване Кулибине не уменьшалась, а, напротив, увеличивалась.

От детских игрушек он перешел к полезным делам: устроил в своем селе плотину на ручье и провел воду в пруд, а из пруда выпустил в шлюз. Вода в пруде стала проточная, и в ней стала водиться хорошая рыба. За эту выдумку даже отец, бывший до того с ним очень строгим, похвалил Ивана.

Особенно интересовало Кулибина устройство часов, и он посвятил немало времени изучению механизма часов. Разобрав выпрошенные им у одного из знакомых стенные часы и собрав их снова, он принялся за изготовление таких же часов, только с деревянным механизмом, так как кроме дерева и ножа у него ничего другого не было.

Из попытки этой ничего не вышло. Но это только временно огорчило Кулибина.

Вскоре счастливая случайность пришла ему на помощь: нижегородская ратуша отравила его, как самого расторопного из немногих грамотных в то время, по одному делу в Москву. Завидя там первый попавшийся на глаза часовой магазин, он зашел в него и, откровенно рассказав о себе, просил мастера объяснить ему устройство часов. Судьба натолк-

нула Ивана на доброго человека, который, заметив действительно необыкновенную понятливость Кулибина, не только научил его часовому мастерству, но даже подарил ему свои старые инструменты. По возвращении домой Кулибин принялся сначала за починку часов, а потом понемногу и за изготовление новых.

В это время по Волге путешествовала Екатерина II. Иван Кулибин решает просить позволения ехать в Санкт-Петербург поучиться у видных механиков-иностранцев, потому что чувствовал, что без знаний вряд ли удастся ему осуществить многие из кишевших в его мозгу планов.

Во время пребывания императрицы Екатерины II в Нижнем-Новгороде ему удалось, наконец, после долгих хлопот представиться ей. Вначале дружелюбно беседовала с ним Екатерина II, но, узнав его простое происхождение, оборвала разговор с ним, потребовав от него—в знак его подлинных способностей—необыкновенный подарок, преподнесенный ей, Екатерине II.

Трудную задачу взвалила на плечи Ивана своевольная императрица. Тут мало было одного изобретения,—надо было придумать нечто такое, что нравилось бы государыне, что пришлось бы по ее избалованному вкусу.

Пал было духом Иван Кулибин...

Что бы такое можно было подарить Екатерине II?

Не было конца насмешкам со стороны его сограждан, решивших, что зарвался Иван и теперь не знает, как ему выкрутиться...

Но долго сомневаться было не в натуре Ивана.

В его голове созрел план устройства необыкновенных часов.

В течение нескольких месяцев работы Ивану удалось осуществить свою идею.

Часы, изготовленные Кулибиным, имели вид гусиного яйца средней величины и представляли следующее устройство: каждый час в середине их отворялись двери, через которые виднелся великолепный храм с гробом господним и двумя стражами; через полминуты являлся в храм ангел, от гроба отваливался камень и к ангелу приближались две женщины-мироносицы; а между тем часы играли «Христос Воскресе»; по троекратном повторении этого стиха, двери затворялись; после четырех часов пополудни слышался гимн: «Воскрес Иисус из гроба», который игрался по одному разу перед каждым часом; сверх того в полдень часы играли музыку, в честь Екатерины II. Все движущиеся фигурки, в свою очередь, были сделаны тонко и изящно.

Подарок пришелся по вкусу Екатерине II.

Она удостоила Ивана разговором и даже подала ему руку на прощание. Но учиться Ивану не пришлось. Его засыпали рядом заказов, в мягкой форме отказав ему в его желании поучиться. Зато на время улучшились его материальные дела и он с жаром принялся за выделку разных новых приборов и машин. В это время англичане в газетах объявили большую денежную премию на представление модели моста без свай. Петербургская Академия Наук пригласила русских строителей принять участие в этом конкурсе.

В числе других Иван Петрович представил Академии Наук свою модель, составляющую десятую часть задуманного моста, могущего соединить берега Невы, на которой тогда еще не было постоянного моста.

27 декабря 1776 года изготовленная Кулибиным модель моста была подвергнута испытанию в присутствии ученых и знатоков строительного дела.

Многие из этих знатоков сначала посмеивались над странным проектом механика-самоучки и были твердо убеждены, что его модель непременно развалится, как только положат на нее тяжесть. Но на самом деле мост, или вернее модель моста блестяще выдержала испытание, несмотря на огромный груз, положенный на нее. Целых три недели простояла модель с грузом, пока, наконец, ученые испы-

татели решились написать рапорт императрице о возможности построить по проекту Кулибина постоянный мост через Неву. Модель Кулибина сделалась предметом удивления для всего Петербурга и ежедневно вокруг нее собирались толпы любопытных зрителей. Однако, по разным соображениям постройка настоящего моста по кулибинской модели была отложена, а самую модель перевозили с места на место до тех пор, пока она куда-то исчезла.

Относительно получения премии от англичан Кулибин тоже не настаивал, и она попала в другие руки.

Между тем, Кулибин занялся другими изобретениями.

В 1779 г. он изобрел фонарь, снабженный особым зеркалом, которое усиливало свет единственной свечи настолько, что было видно на 30 верст. Чтобы убедить всех в его действии, изобретатель отправился вместе со своими знакомыми в Красное Село, и в условный час вечера они увидели над темным горизонтом Петербурга внезапно загоревшуюся светлую точку красноватого цвета, ярко блестящую, несмотря на тридцативерстное расстояние.

Вслед за фонарем, Кулибин сделал целый ряд изобретений: самокатную двухместную тележку, в которой он раз ездил по улицам

Петербурга, искусственную ногу, сгибавшуюся и разгибавшуюся настолько естественно, что ее трудно было отличить от настоящей, особенный механизм для водяных мельниц, которые могли действовать без плотин на больших быстрых реках, и проч.

Впоследствии он усовершенствовал этот последний механизм так, что он мог действовать одинаково хорошо и на воде, и под водой.

Но этим далеко не исчерпывается деятельность Кулибина, как изобретателя. Так, он изобрел в 1782 году особое «машинное водоходное судно», которое, как сказано в сохранившемся от той поры описании, «шло против воды помощью той же воды, без всякой посторонней силы, без весел и парусов».

Затем он придумал устройство огромного зажигательного стекла, водяные мельницы невиданной силы, составил проект укрепления потолков и крыш без помощи столбов и проч. На устройство таких изобретений Кулибин расходовал все свое жалованье и тот заработок, который получал за свои изобретения.

Но судьба всех изобретений Кулибина была почти одинаково печальна. «Ученые», на рассмотрение которых Кулибин представлял свои изобретения, нередко считали их пустыми, не имеющими практического значения, затеями. Частью проники «академиков», а частью и собственная излишняя скромность

и непрактичность Кулибина делали то, что его изобретения или присваивались другими, или исчезали и предавались забвению.

Под конец жизни Кулибин уехал в родной Нижний. Но и там, уже дряхлым стариком он продолжал работать над своими изобретениями, составлял новый проект железного моста для Невы. Мост должен был быть на трех железных решетчатых арках, которые Кулибин предлагал утвердить на четырех каменных быках, обшитых для предохранения от льда железом и проч. Сейчас все это может показаться наивным, но Кулибин принялся за составление проекта машины, которая, будучи раз пущена в ход, двигалась бы вечно—машины, о постройке которой мечтали многие изобретатели. Но, как и им всем, Кулибину не удалось построить такую машину...

За три года до смерти пожар истребил домик Кулибина в Нижнем—единственное достояние и обеспечение многочисленной семьи. После пожара он почти уже не покидал постели. Несмотря, однако, на старость и болезнь, Кулибин все-таки продолжал заниматься проектами разных изобретений.

Умер Кулибин 83 лет, 30 июня 1818 года, в крайней бедности, не оставив после себя никакого наследства, так что вдова его была принуждена заложить последние стенные часы, чтобы хоть как-нибудь просуществовать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Землемер-изобретатель Павел Зарубин

13 января 1817 года работник судовой промышленности, с трудом сводивший концы с концами, Алексей Зарубин, проживавший в посаде Пучеже Костромской губернии, с печальным видом открыл дверь, ведущую в избу священника.

— Батюшка! Жена на грех снова родить собирается... Не откажите прийтить крестить ребенка... Беда, ей-ей! Чем кормить всю эту ораву?

Такого рода разговоры предшествовали рождению мальчика, которому дали имя Павел.

Когда мальчику минуло десять лет, отец попросил одного из своих родственников — дьячка — заняться обучением мальчика. Но учитель-дьячок вскоре отказался давать уроки, заявив, что ребенок туп, не имеет никаких способностей и что учить его грамоте

21542
32008

прасная трата времени. При этом он посоветовал приучить Павла к какой-нибудь простой работе.

Такое пренебрежение учителя с духовным саном к простым ученикам в ту пору было не редкостью. Считалось за общее правило, что сын «простых» родителей не способен к учению.

Родители поверили учителю и заставили Павлушу работать на огороде. Но мальчик был вовсе не таким бестолковым, как полагал его учитель-дьячок.

Тайком от домашних, на медные деньги, данные ему для покупки нескольких фунтов печеного хлеба, он приобрел букварь и, забравшись в угол, потихоньку учил азбуку. Потом, при помощи своих товарищей, выучил склады и уже совершенно один, без всякого руководства, научился читать. В это же время в нем пробудилась страсть к рисованию.

Страсть эта до такой степени была сильна, что, несмотря на угрозы и даже побои, он не мог отказаться от нее и потихоньку, при свете лучины, просиживал целые ночи за рисунками. Не имея возможности купить бумагу, он рисовал углем на стенах и печках (за что не раз ему доставалось). Затем, познакомившись с пучежскими иконописцами, стал под их наблюдением писать образа и картины масляными красками.

Родители Павла, видя, что все меры, принятые ими для того, чтобы потушить в мальчишке страсть к рисованию, напрасны и, предполагая, что этот род занятий сможет дать ему заработок, решили, наконец, не мешать его занятиям.

В 1830 году умер отец Павлуши, оставив больную жену с пятью детьми. Старший сын был тоже болезненного сложения и не принимал никакого участия в делах. Все бремя содержания семьи пало на второго сына, т.-е. Павлушу. Но какие усилия ни употреблял Павел для поддержания своей семьи, что ни придумывал он,—все-таки средств к жизни не доставало. И «рисовальщик» принужден был оставить свое любимое занятие и обратиться к наследственному ремеслу — судопромышленности. Отец оставил в наследство семье две старые барки, нажитые трудом долгих лет, на которые Павел Зарубин и возложил все свои надежды.

Набрав кладь для доставления в одну из волжских пристаней, он составил артель бурлаков и в 1831 году пустился в путь. Но первый же рейд оказался неудачным: одно судно нагнало на берег и оно разбилось. Часть вины можно было возложить на самого владельца, который увлекся... арифметическими вычислениями и изучением механики и слишком мало

внимания обращал на своих сотоварищей, которыми он должен был руководить.

Потерпев такого рода аварию, Зарубин решил взяться за часовое мастерство, которое давно его занимало параллельно с рисованием. Без всякой посторонней помощи, без всякого наставника он стал изготавливать довольно хорошие стенные и затем столовые часы. Но сбыт часов был ничтожен, и потому Зарубин вскоре оставил и это ремесло.

Для удовлетворения же материальных нужд семьи он сделался мебельщиком и, между прочим, изготовил оригинальный туалет с музыкой, предназначенный для одной помещицы. Но так как и столярное дело не приносило барышей, то Зарубин опять стал придумывать, чем бы заняться? Беспрестанная материальная нужда не давала никакой возможности сосредоточиться на любимых занятиях.

В это время открылось несколько вакансий в землемерном ведомстве, где от поступающих требовалось умение рисовать и кое-какие познания по математике и естествознанию. Учащимся давалась сравнительно сносная стипендия. Зарубин решает поступить в это учебное заведение и усердно берется за книги. В скором времени он успешно сдает экзамен, а еще через некоторое время он получает место

чертежника в костромской землемерной чертежной.

Здесь он вскоре успел выдвинуться.

Обратив внимание на то, что существовавшие до тех пор приборы для исчисления площадей и составления планов далеко не удовлетворительны, Зарубин придумал прибор для верного измерения и точного нанесения на бумагу измеряемых площадей земной поверхности. Но изобретение это на первых порах вызвало зависть среди ближайших чиновников чертежной и, когда он предложил ввести свой прибор, его никто не хотел слушать, никто не хотел понять. Мало того, в его формуляр была внесена отметка: «увлекает себя затейливыми занятиями, вредными и нетерпимыми на службе человеку, вышедшему из простолюдинов».

Но, несмотря на все препятствия, даже на угрозы, что его привлекут к суду, Зарубину как-то удалось в 1853 году представить свои изобретения высшему межевому начальству, которое, видя в лице Зарубина несомненно способного и знающего человека, перевело его в Москву, в землемерную канцелярию, старшим землемерным помощником, а затем — в Петербург.

В Москве Зарубин продолжал работать над своими изобретениями и вскоре представил в

Академию Наук пять изобретенных им землемерных инструментов. Из числа их один — планограф — имел целью служить нанесению углов на план, а прочие четыре — для вычисления площадей планов. Между последними особенно выделялся прибор, названный изобретателем — планиметр — сектор; при помощи этого инструмента площадь плана вычислялась самым простым образом, механически, посредством стрелки на особом циферблате. Академия Наук признала изобретение механика-самоучки полезным и присудила ему премию.

В 1856 году Зарубин представил в Академию Наук еще один инструмент своего изобретения: планиметр—самокат. Академия, сравнив этот инструмент с подобными приборами иностранного изобретения, признала его более удобным и полезным в практике и присудила изобретателю опять премию.

Вслед затем Зарубин изобрел еще один землемерный прибор, трансформометр, посредством которого явилось возможным значительно ускорить исчисление площадей планов.

Другие землемеры, кончившие гимназию и проч. учебные заведения, с завистью относились к Зарубину и старались тормозить применение его изобретений, в особенности,

когда Зарубин при посредстве изобретенных им приборов стал доказывать, что планы, составляемые присяжными землемерами, неверны. Враги Зарубина утверждали, что зарубинские изобретения не имеют никакой ценности и что они ничтожны и т. д. Все эти нападки причиняли немало горя талантливому землемеру-самоучке.

Кроме землемерных приборов, Зарубин изобрел еще водоподъемник, сельскохозяйственный пожарный насос, жатвенную тележку и проч. Зарубин, близко стоявший к крестьянской жизни, стремился к таким изобретениям, которые облегчали бы тяжелую работу крестьянина. Первое из перечисленных изобретений Всероссийское Вольно-Экономическое Общество наградило золотой медалью.

За наименее средств Зарубин не мог осуществить несколько других задуманных и описанных им инструментов, как-то: инструмент для измерения морской глубины на глубоких местах без посредства веревки, прибор для определения скорости хода корабля и пройденного им пути и др.

«Может быть, — писал Зарубин в одном письме к своему другу, — изобретения не все одинаково полезны, но есть между ними и очень полезные, — в этом я уверен. Если в числе их есть и ничтожные малые, то, ведь, самые великие открытия бывают там, где не прене-

брегают малыми. Да и нет таких открытий и изобретений, которые появлялись бы в свет сразу в самом усовершенствованном виде».

Скромным и требовательным к себе Зарубин оставался до конца своей жизни.

Независимо от своих изобретений, Зарубин написал целый ряд статей и брошюр по техническим вопросам.

Умер Зарубин в нищете и до последних дней своей жизни не переставал чертить и набрасывать планы новых изобретений.

Начав слишком поздно учиться, не будучи в состоянии выбиться из трясины материальных лишений, Зарубин и не в состоянии был сделать многое из того, на что был способен его пытливый, острый и ищущий мозг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Часовых дел мастер Терентий Волосков

В начале XVIII столетия в городе Ржеве в одном из переулков, на небольшой горке, носящей теперь название Волосковской, стоял домик крестьянина Волоскова, который, выучившись у немцев часовому делу, занялся сам деланием часов. Занятие это приносило, однако, очень мало, так как спрос на часы в то время был вообще еще очень ограниченным. Чтобы пополнить средства к жизни, Волосков стал составлять также и разные краски и занимался продажей их.

У Волоскова был сын Терентий, мальчик любознательный и трудолюбивый. Ему очень нравилось смотреть, как отец разбирает часы, чинил их, складывал, чистил. Как только отец уходил из мастерской, маленький Тереша сам принимался за разборку часов, пристально рассматривал каждое колесо, каждую пружину, каждый винтик и неоднократно вы-

звал этим неудовольствие отца, опасавшегося, как бы мальчик чего-нибудь не испортил. Но Тереша, раз заинтересовавшись часовым мастерством, уже не хотел бросать его, и сам стал мастерить подобие часов, сначала из глины, а затем из дерева. Радость мальчика, когда эти последние «пошли», когда сделанный неопытной рукой маятник стал качаться из стороны в сторону, — трудно описать.

Успех с деревянными часами ободрил Терентия и придал ему храбрости. Он продолжал работать над усовершенствованием своих часов и чистотой работы удивлял отца. Понемногу Терентий стал ближайшим помощником старика Волоскова, а когда отец умер, он принял на себя заведывание мастерской отца, стал сам часовых дел мастером.

Не довольствуясь выделкой простых, незатейливых часов, какие продавал Волосков-отец, Терентий занялся устройством более сложных и замысловатых. Так, он составил несколько разнообразных часов, при чем на одних из них стрелка показывала число месяца, на других — изменения луны, на третьих — время восхода солнца и т. д. Для того, чтобы составить подобные часы, Терентий целые ночи проводил за чтением книг. Но сделанные часы не удовлетворяли его: он решил составить такие часы, которые одновременно показывали бы и время, и восход солнца, и

изменения луны и проч. Осуществление этой мысли заняло много времени—около 11 лет. Терентию приходилось самому делать все части механизма задуманных им часов—как деревянные, так и медные, и стальные. Но цель, которую он себе наметил, была все-таки достигнута: он сделал астрономические часы, в которых искусно, в уменьшенном виде, дана была картина неба, двигалась луна, протекало золотое солнце по голубому горизонту, сжимавшееся и расширявшееся по мере прибавления и уменьшения дня. Часы эти показывали часы, минуты, секунды, числа, дни, недели, месяц, обыкновенные и високосные годы, а также показывали, в каком положении находится луна, в каком знаке небесного пути находится солнце, указывали долготу дня и ночи, разные церковные исчисления и пр. и пр. Чтобы сделать такие часы, Волоскову пришлось заняться изучением астрономии, и сам он смастерил себе зрительную трубу, рассматривал в нее и изучал луну, а из темных погребов смотрел на солнце, отчего впоследствии потерял один глаз.

Но Волосков был не только искусным механиком, астрономом и часовых дел мастером, он был и химиком. Помогая отцу в изготовлении красок, он усвоил себе много секретов по их изготовлению, а после смерти отца старался добиться особого, необыкновенно яр-

кого оттенка бывшей в большом спросе краски — кармин. С этой целью он начал читать разные книги, в которых описывались способы приготовления красок, делал опыты. Однажды в один из своих растворов он положил случайно излишнее количество какого-то состава и получил кармин темно-пурпурового цвета небывалой красоты. Этот кармин работы Волоскова попал в Академию Художеств в Петербурге, которая признала его превосходным, одобрив работу изобретателя. Вскоре кармин Волоскова приобрел большую известность, его стали покупать художники и фабриканты, и не только в России, но и за границей.

Кроме кармина, Волосков изобрел еще и другой род более дешевой красной краски, называемой «бакан».

Продажа этих красок доставляла Волоскову по несколько сот рублей в год, обеспечила его существование и дала возможность заняться любимым делом: чтением книг с целью пополнить скудные познания. Особенно интересовался он такими сочинениями, в которых описывались разные явления природы. На покупку таких книг он не жалел денег и постепенно у него образовалась библиотека.

Умер Терентий Волосков в 1806 году, на 77 году жизни. Незадолго до кончины, он, обращаясь к жене и указывая ей на стоявшие у стены часы своего изобретения, сказал:

— Завесь часы! Мне грустно на них смотреть. Все труды наши — суета...

Эти слова были отражением грусти, которую испытывал Волосков, видя, как без всяких знаний он не в состоянии был осуществить многое из того, что желал.

Часы, сделанные Волосковым, вдова его сохранила и не хотела с ними расстаться, несмотря на то, что после смерти мужа пришлось столкнуться с большой нуждой. Лишь после ее смерти часы перешли к какому-то купцу. Теперь же они находятся в Тверском музее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Беликий актер из крепостных—Михаил Щепкин

В доме курского помещика, графа Волькенштейна, в домашнем театре 13 мая 1795 года давали оперу «Новое Семейство».

Среди зрителей находились многие дворовые графа и в том числе сын крепостного, семилетний Миша Щепкин, уроженец села Красного, Обоянского уезда, Курской губернии.

Мальчик так был поражен невиданным зрелищем, что с этого времени стал чуть не бредить театром. Отданный в Суджанскую школу, впечатлительный и способный Миша не переставал здесь, среди ученья, пылать страстью к театру, особенно после того, когда ему удалось впервые самому участвовать в пьесе Сумарокова «Вздорщица».

Этой страсти маленького Щепкина к театру суждено было развернуться.

Хорошенький белокурый мальчик Миша Щепкин понравился тетке графа Волькенштейна, приобревшего за несколько рублей крепостного мальчика, решив сделать из него «образованного холопа». Благодаря содействию графини, Миша поступил прямо в третий класс губернского училища в Курске. Через какие-нибудь два месяца он догнал товарищей и переведен был в последний, четвертый класс. Страсть к театру не угасала в Щепкине и поддерживалась знакомством с братьями Барсовыми, содержавшими частный театр в Курске. В этом театре Щепкин постепенно приобретал некоторые познания в сценическом искусстве. Однажды, после усиленных просьб он был допущен к исполнению роли Фирюлина в пьесе Княжина «Несчастье от кареты», при чем заслужил игрой одобрение своей барыни, которая, однако, не думала, что из ее дворового выйдет впоследствии великий артист. Это было летом 1803 года. Вскоре Щепкину исполнилось 16 лет, и к этому же времени он блестяще сдал выпускной экзамен.

Сын крепостного оказался впереди всех учеников, в большинстве своем—детей богатых дворян.

По приказанию своей помещицы Миша произнес приветственную речь попечителю Харьковского университета, приезжавшему открывать гимназию в Курске. Речь настолько

понравилась директору, что тот послал с ним письмо графине, в котором отмечал способности Щепкина, несмотря на его «мужицкое происхождение». Помещица, довольная молодым Щепкиным, позволила ему заниматься чем он захочет. Нетрудно угадать, что при своей страсти к театру Щепкин тотчас поступил на сцену. В ноябре 1805 года, ввиду болезни какого-то актера, он сыграл роль почтаря в одной драме и с этого времени судьба его решилась: Щепкин уже не сходил со сцены и без малого двадцать лет провел на театральных подмостках. Играл он все, «что было необходимо для составления спектаклей». Талант Щепкина, несмотря на условия далеко неблагоприятные, рос и развивался с каждым годом. В 1818 году жители Полтавы устроили спектакль в пользу Щепкина и, выручив с пожертвованными суммами около восьми тысяч рублей, выкупили артиста из крепостной зависимости.

В 1822 году Щепкин выступал с необыкновенным успехом в Москве и был приглашен в московскую труппу на роль «первого комика».

В 1825 году Щепкин появился впервые на петербургской сцене, где тоже приобрел громадную популярность.

«Жить для Щепкина, — писал в ту пору известный русский писатель Аксаков, — зна-

чило играть в театре; играть — значило жить».

Без руководителей, не видя хороших образцов, исключительно путем упорных упражнений, проводя нередко над какой-нибудь пьесой целый ряд бессонных ночей, — Михаил Щепкин мастерски изображал на сцене ряд людских типов.

Число ролей, в которых выступал Щепкин, было огромно, и во всех своих ролях он поражал естественностью и непринужденностью игры. Гениальному артисту равно были доступны и иноземные характеры и типы, и чисто русские, со всеми чертами страны и века, в которых эти типы и характеры действуют. Он был, — по словам Погодина, — достойным помощником, дополнителем и истолкователем великих мастеров сцены от Шекспира и Мольера до наших отечественных писателей — Грибоедова, Гоголя и Островского. В малороссийских ролях он был неподражаем и часто знакомил нас с Украиной лучше, чем сама история и даже поэзия.

Прослужив на сцене больше полувека, Щепкин скончался 11 августа 1863 года.

В истории русского театра имя великого комика Михаила Щепкина никогда не забудется.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Академик граверщик Лаврентий Серяков

В селе Холопове, Солигаличского уезда, Костромской губернии, в семье крепостного крестьянина Аксена Серякова 28 января 1824 года родился мальчик, которому дали имя Лаврентий.

Отец Лаврентия был человек грубый, большой руки пьяница, но в то же время человек, бесспорно, деловитый. Он выучился самоучкой часовому делу, недурно резал буквы на дереве и занимался с успехом слесарным делом.

Страсть к резьбе перешла и к его сыну — мальчику Лаврентию. Мальчику было пять лет, когда отца сдали в солдаты. Маленький Лаврентий, следуя всюду за отцом, был сначала полковым, а затем дивизионным певчим.

Когда Лаврентию исполнилось десять лет, отец определил сына в солдатскую школу кантонистов. Мальчик учился прилежно и проявлял такие способности к рисованию, что его

назначили учителем рисования (на жалованье в 12 рублей в год), а затем, за отличие в поведении и грамоте, отправили в Петербург для определения в писаря военных поселений. Спустя два года, его перевели в военные рисовальщики — топографы.

Это было как бы повышение по службе, но оно не улучшило бедственного положения Лаврентия, который под гнетом нужды, имея на руках престарелую мать, с радостью согласился взять на себя обязанности дворника в одном небольшом доме на Песках за даровое помещение. В это-то время в одну из досужных минут ему случайно попался на глаза листок из французского издания «Тысяча одна ночь» с гравюрой. Залюбовавшись искусным выполнением гравюры, Серяков вздумал скопировать ее перочинным ножом на обрубке березы. За первым подобным опытом последовали другие, и вскоре Серяков до того освоился с этим способом гравирования, что стал принимать работы по гравированию на дереве иллюстраций детских книг, что доставляло ему небольшой заработок. Этому содействовало случайное знакомство с писателем Кукольниковым, издававшим тогда (в 1847 г.) журнал «Иллюстрация» и нуждавшимся в хороших граверах. Серяков стал работать для этого издания. Гравюры его вскоре обратили на себя внимание Кукольникова. Талант был

несомненен, но рисовка еще имела многие погрешности, и Серяков задумал с целью самоусовершенствования поступить в Академию Художеств. Для Серякова, как для нижнего чина, классы Академии Художеств не были доступны, но после долгих ходатайств у военного министра Чернышева 23-летний Серяков был принят в Академию.

С увлечением предался он любимому искусству. Работал он упорно и неустанно.

По его собственным словам, часто, досадуя на какой-нибудь штрих, он буквально обливал слезами гравировальную доску. Впрочем, его труды не оставались без справедливой оценки. Вскоре его отличила Академия: так, в 1853 году Серяков получил звание свободного художника за гравюру «Голова старика в профиль», а в 1858 году он был отправлен за счет Академии за границу, блистательно выполнив перед тем на звание академика гравюру с рисунка Рембрандта «Неверие апостола Фомы».

Пять лет работал Серяков в лучших гравёрных мастерских Парижа и, об'ехав затем Европу, возвратился в 1864 году в Петербург, где вскоре получил звание академика «в уважение искусства и от личных познаний в художествах».

С этой поры известность Серякова была обеспечена. Отовсюду его заваливали заказами,

и гравюры его стали знакомы всей читающей России, появляясь как в научных книгах, так и в детских изданиях. Он открыл особое граверное заведение, в котором при помощи учеников работал для многих журналов, гравировав иллюстрации на дереве. В 1865 году Серяков поступил преподавателем гравирования на дереве в рисовальную школу.

Число гравюр, исполненных самим Серяковым, достигает 500; кроме того из его мастерской вышло до 900 полнотипажей, украсивших в свое время многие книги и журналы.

Жизненный закал, полученный им с детства, сыграл и в ту пору, когда он выдвигался, большую роль.

Он внес в свою работу неукротимое трудолюбие, упорство и настойчивость. Скончался Серяков 2 января 1881 года, оплакиваемый односельчанами Холопова, Солигаличского уезда, Костромской губернии, с которыми Серяков поддерживал близкие отношения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Астроном-самоучка Федор Семенов

Жил в Курске в конце XVIII века крестьянин Семенов. У него был сын Федор, родившийся в 1794 году, обнаруживавший уже с детства особенную смекалку и находчивость. Страстью его было устраивать маленькие мельницы и разного рода игрушечные машины. Родители не придавали этим забавам никакого значения и мало заботились об образовании сына. Когда Федор научился в народной школе читать по-славянски и кое-как писать, отец взял его домой и отдал в приказчики к торговцу скотом.

Весною и летом мальчик ездил под присмотр приказчиков на Украину на ярмарки для покупки скота, а зимою — на Дон и в Таганрог за рыбою; осенью вместе с работниками он бил скот на бойне и продавал мясо на рынке. Но эта работа не спорилась у него: он был далек от мысли стать со временем

скотопромышленником. Сильно интересуясь небесными явлениями, наблюдательный Семенов, странствуя по вольным новороссийским степям, целые ночи проводил в расматривании небесного свода. В голове пытливого наблюдателя при этом возникали разные вопросы, но никто из окружающих конечно не мог их объяснить ему. Ответа нужно было искать в книгах, которые Семенову посчастливилось вскоре приобрести. Первою из них были «Наглядные основания астрономии» Якова Фергюсона. Это сочинение познакомило Семенова с основными астрономическими понятиями и возбудило его любознательность. В 1813 году на ярмарке он купил «Астрономию Лаланда», состоящую из 12 книг. Прочитав первую книгу, Семенов, между прочим, узнал, что высоту небесных светил над горизонтом можно измерять посредством так называемого квадранта. Тотчас же он сделал из дерева этот несложный прибор, оклеил его бумагой, наметил градусы и сам принялся за астрономические наблюдения, сопровождая их выкладками на обыкновенных счетах.

Чтение второй книги астрономии Лаланда было менее удачно. Семенов убедился, что у него не хватает необходимых знаний по математике, чтобы изучать все тайны небосклона. И вот он принялся за изучение математики. После этого он уже мог заняться астрономи-

ческими исследованиями, но у него не оказалось необходимых для этого инструментов и поэтому приходилось ограничиваться только самыми ничтожными наблюдениями.

Родные, материальное положение которых к этому времени значительно улучшилось, неодобрительно относились к научным стремлениям юноши и запретили ему «заниматься пустяками» и отвлекаться от «настоящего дела». На семейном совете решено было принять решительные меры и женить молодца, чтобы заставить его одуматься. Несмотря на большие связи старика Семенова, никто, однако, не решался отдать своей дочери «за дурака, который по ночам не спит, а все глядит в какую-то трубу на месяц». Выйти за чудака решилась только дочь одного ямщика из пригородной слободы.

Это было в феврале 1815 года.

Но свои занятия Семенов не бросил.

Ближе ознакомившись с астрономией, Семенов убедился в необходимости изучения и других естественных наук. Сначала он принялся за физику, при чем для опыта сам сделал несколько приборов и электрическую машину. Кроме того, устроил в своем доме лабораторию и занялся химией.

В то же время Семенов продолжал с прежним рвением занятия астрономией. Не имея зрительной трубы, он решился сделать

ее сам и после двухлетних трудов привел свою мысль в исполнение. Картонная зрительная труба в марте 1825 года была готова; она имела шесть футов длины и увеличивала отдаленные предметы в 50 раз. 14 апреля 1827 года Семенов наблюдал через нее солнечное затмение.

Весною 1829 года, имея 35 лет от роду, Семенову удалось после долгих мытарств отправиться в Москву, где он познакомился со многими выдающимися профессорами того времени, слушал лекции по астрономии и физике у двух из них, осматривал университетские собрания физических и других приборов и постепенно расширял свои познания. Профессора отнеслись к самоучке очень сочувственно, а один из них, Перевощиков, подарил ему солнечные и лунные таблицы, значительно облегчавшие астрономические наблюдения.

По возвращении из Москвы, Семенов занялся наблюдением над климатом Курска и послал результаты своих трудов проф. Перевощикову, который тотчас же напечатал их в журнале «Новый магазин естественной истории, физики и химии».

Семенову вскоре удалось приехать в Петербург, где он представил свои метеорологические наблюдения Академии Наук, которая прислала ему полный прибор лучших метеороло-

гических инструментов. Наблюдения свои Семенов с 1838 года помещал в местных губернских ведомостях и производил их ежедневно до конца жизни. Кроме того в разных повременных изданиях он помещал и другие свои статьи, преимущественно астрономического содержания. Таким образом, в 1840 году он едва ли не первый из русских астрономов заявил в «Курских Губ. Ведомостях» о предстоящем через два года полном солнечном затмении. Проф. Перевощиков с большою похвалою отозвался о сделанных Семеновым вычислениях этого затмения, как о труде, отличавшемся чрезвычайной точностью и потребовавшем много времени и обширных познаний в астрономии.

В 1850 году Семенов напечатал составленную им карту полного солнечного затмения, которое должно было последовать 16 июля 1851 года, присоединив к ней объяснительную записку с выводами из сделанных им по этому поводу вычислений. В том же году Семенов был утвержден корреспондентом Главной физической обсерватории.

В 1858 году Императорское русское географическое общество присудило Семенову золотую медаль за его труд «Таблицы показания времени лунных и солнечных затмений с 1840 по 2001 год». Эта награда была последним торжеством астронома-самоучки: 19 апре-

ля 1860 года он скончался. Память своего достойного гражданина собрался почтить весь город Курск.

Столетие со дня рождения астронома-самоучки в 1894 г. было очень торжественно отпраздновано в г. Курске, где память его жива и поныне. Улица, на которой жил Семенов в Курске, названа «Семеновской» (бывшая Нижнеазаретная).

Семенов принадлежал к числу тех немногих самоучек, которых признали при жизни.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Знаменитый архитектор Андрей Воронихин

В имении графа А. С. Строганова, в селе Новое Усолье, в Соликамском уезде, Пермской губ., во второй половине XVIII века жил крестьянский мальчик Андрюша Воронихин, один из крепостных графа, рано обнаруживший замечательные способности к рисованию. Никто его не учил рисовать, а между тем мальчик удивительно верно срисовывал виды деревни, отдельные избы, берег реки и проч.

Случайно рисунки Андрюши попали на глаза графу Строганову. Андрюше шел тогда 17 год; как и другие деревенские парни, он занимался обыкновенными крестьянскими работами, уделяя рисованию только немногие часы досуга. Граф заинтересовался работами Воронихина, стал расспрашивать его и, убедившись в его неподдельной страсти к рисованию, повез его с собой в Москву для того,

чтобы он «смалевывал» родственников графа. В Москве мальчик случайно попался на глаза известному архитектору Баженову. Тот признал у Воронихина талант, взял его к себе в ученики и стал обучать сначала рисованию разных архитектурных деталей, а затем и архитектурному искусству вообще. От Баженова Воронихин перешел к архитектору Карпову, у которого продолжал заниматься архитектурой. У того и другого Воронихин работал очень усердно и выказывал бесспорное дарование. О способном крестьянском юноше заговорили. Благодаря ходатайству ряда художников и архитекторов, его отправили для дальнейшего усовершенствования как в архитектуре, так и в живописи, сначала в Петербург, а затем за границу. За границей Воронихин серьезно изучал архитектуру и в то же время много работал в области живописи. Кроме того он интересовался математикой и естественными науками, физикой, механикой и астрономией. Во всех этих занятиях Андрей проявлял замечательно большую разностронность своих дарований.

По возвращении в Россию Воронихин становится одним из самых видных русских архитекторов. Ему, между прочим, поручается составление плана и сооружение Казанского собора в Петербурге, ставшего одним из замечательных сооружений столицы.

Занимаясь архитектурой, Воронихин продолжал работать и как живописец. В 1749 г. он представил в Академию Художеств картину, изображающую художественную галерею графа Строганова и получил за эту работу звание академика. Но главная заслуга и слава Воронихина — это сооружение Казанского собора.

Храм этот строился десять лет и руководил постройкой сам Воронихин по плану, им же составленному, утвержденному императором Павлом I и одобренному затем императором Александром I, при котором начались работы по сооружению.

Закладка собора последовала 27-го марта 1801 года, а окончен собор был в сентябре 1811 года.

Кроме Казанского собора, Воронихиным построены еще многие другие замечательные сооружения в Петербурге, как, напр., здание Горного института, две колоннады и четыре обелиска в Петергофе, Стрельнинский, Гатчинский и Павловский дворцы, первая русская терапевтическая клиника, фонтан на Пулке и проч.

Умер Воронихин в 1814 году.

Талантливый архитектор Андрей Воронихин, вышедший из угнетаемого слоя русского народа, должен был все свои лучшие способности отдать на то, чтобы содействовать

еще большему угнетению многомиллионного крестьянства.

Ведь каждый новый божий храм должен был крепить могущество богатых, увеличивать забитость и темноту в народе...

Такая судьба в те времена постигала большинство выдающихся умов из «простолюдинов».

Царское правительство спешило вычерпать из них все, что было возможно.

И такая же судьба постигает и сейчас тысячи талантливых рабочих за границей, которые принуждены продавать свои способности капиталистам.

Только в стране советов талант Ворониных идет на потребу рабоче-крестьянскому делу — служит целям создания настоящей, лучшей жизни на земле...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. На что способны «кухаркины дети» . . .	5
Глава. I. Самоучка-механик — Иван Кулибин . . .	9
„ II. Землемер-изобретатель — Павел Зарубин	17
„ III. Часовых дел мастер — Терентий Воло- сков	25
„ IV. Великий актер из крепостных — Михаил Щепкин	30
„ V. Академик-граверщик — Лаврентий Серя- ков	34
„ VI. Астроном-самоучка — Федор Семенов . .	38
„ VII. Знаменитый архитектор — Андрей Воро- нихин	44

20 коп.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

Москва — Новая площадь, д. № 6/8

Ленинград — Проспект 25-го Октября, 54

Харьков — Троицкий пер., 2

Ростов н/Дону — Проспект Подбельского, 15

Киев — Ул. Воровского, 25 Пассаж, 33

Свердловск — Ул. Ленина, 40